

DOI 10.15826/izv2.2018.20.4.065

УДК 930.24:314.4 + 314.424(571.150-25) +
+ 004.9 + 314.148**Д. Е. Сарафанов***Алтайский государственный университет*
Барнаул, Россия

ОПЫТ АНАЛИЗА ПРИЧИН СМЕРТИ НАСЕЛЕНИЯ БАРНАУЛА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в. (по материалам метрических книг)*

В статье проведен анализ распределения причин смерти населения Барнаула во второй половине XIX — начале XX в. Оценен вклад различных причин в формирование ситуации со смертностью у взрослого населения (16–59 лет). На основе БД «Население Барнаула второй половины XVIII — начала XX вв. по материалам метрических книг» была проанализирована выборка смертей, зарегистрированных в Покровском приходе за 1869–1911 гг. Около 60 % случаев в структуре мужской летальности (16–59 лет) являлись последствием инфекционных и кишечных заболеваний. Смерти от туберкулеза, учитываемые в этой группе, составляли 35 %. У женщин, за счет меньших смертельных исходов от туберкулеза (25,5 %), показатели по инфекционным болезням ниже. Процент смертей от кишечных инфекций достаточно высок: у женщин составил 10,9 %, у мужчин — 7,6 %. Удельный вес смертей от вирусных инфекций (оспа, корь) и бактериальных болезней (дифтерия, скарлатина) незначителен вне зависимости от гендерной принадлежности. Внешние причины смерти «забирали» взрослых мужчин (11,7 %) в 4 раза чаще, чем женщин (2,9 %). Показатели летальности от болезней органов дыхания у женщин составляли 10,2 %. От болезней этой группы они умирали в 1,5 раза чаще, чем мужчины (6,7 %). Значительное количество женщин репродуктивного возраста умирало в ходе осложнений беременности и родов (7,5 %). Большое количество смертей происходило от болезней экзогенного характера, связанных с воздействием внешней среды. Однако болезни эндогенного характера также имели значение (12,5 % случаев — у мужчин, 16,1 % — у женщин).

Ключевые слова: историческая демография; компьютерные технологии в исторических исследованиях; базы данных; метрические книги; смертность; причины смерти.

Цитирование: *Сарафанов Д. Е.* Опыт анализа причин смерти населения Барнаула во второй половине XIX — начале XX в. (по материалам метрических книг) // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2: Гуманитар. науки. 2018. Т. 20. № 4 (181). С. 46–62.

Поступила в редакцию 14.05.2018

Принята к печати 21.11.2018

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект 17-06-00498 А, «Инфраструктура городов Юга Западной Сибири второй половины XVIII — начала XX в. (пространственные и экологические аспекты)».

Dmitry E. Sarafanov

*Altai State University
Barnaul, Russia*

**AN ATTEMPT AT ANALYSING THE CAUSES OF DEATH
IN BARNAUL POPULATION
IN THE SECOND HALF OF THE 19th — EARLY 20th CENTURIES
(with Reference to Metric Books)**

This article analyses the distribution of causes of death in Barnaul between the second half of the 19th and early 20th centuries. The author studies the influence of various causes on the formation of the mortality situation among adult population (16–59 years). Referring to the database “The Population of Barnaul in the Second Half of the 18th — Early 20th Centuries Based on the Materials of Parish Books” the author analyses deaths of Orthodox believers of the Church of the Intercession between 1869 and 1911. About 60 % of deaths in the structure of male mortality (16–59 years) resulted from infectious and intestinal diseases. Deaths caused by tuberculosis in this group amounted to 35 %. In women, due to fewer deaths from tuberculosis (25.5 %), the rates of infectious diseases are lower. The percentage of deaths from intestinal infections is quite high: for women it was 10.9 %, for men — 7.6 %. The proportion of deaths from viral infections (smallpox, measles) and bacterial diseases (diphtheria, scarlet fever) is insignificant regardless of gender. External causes of death claimed the lives of adult men (11.7 %) four times more often than those of women (2.9 %). Mortality rates from respiratory diseases in women were 10.2 %. Women died 1.5 times more often than men (6.7 %) as a result of diseases of this group. A significant number of women of reproductive age died during pregnancy and because of birth complications (7.5 %). A large number of deaths were caused by exogenous diseases associated with exposure to the environment. However, endogenous diseases were not inexistent either (12.5 % of cases in men, 16.1 % in women).

Key words: historical demography; computer technologies in historical research; databases; parish register books; mortality; causes of death.

Acknowledgements

The study is supported by the *Russian Foundation for Basic Research*, grant 17-06-00498 A, “The Infrastructure of the Cities of the South of Western Siberia of Second Half of 18th — Early 20th Centuries (Spatial and Environmental Aspects)”.

Citation: Sarafanov, D. E. (2018). Opyt analiza prichin smerti naseleniia Barnaula vo vtoroi polovine XIX — nachale XX v. (po materialam metriceskikh knig) [An Attempt at Analysing the Causes of Death in Barnaul Population in the Second Half of the 19th — Early 20th Centuries (with Reference to Metric Books)]. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*, 20, 4 (181), 46–62.

*Submitted on 14 May, 2018
Accepted on 21 November, 2018*

Борьба за увеличение продолжительности жизни, стремление снизить показатели смертности обуславливают повышенный интерес исследователей к конкретным причинам смерти. В историко-демографических исследованиях, охватывающих период XX — начала XXI в., эта тематика давно интенсивно развивается. При работе с материалами досоветского периода российской истории возникает ряд сложностей, связанных с отсутствием агрегированных данных и необходимостью обращения к материалам первичных массовых источников. В связи с этим актуализируются исследования, проводимые в русле ставшей уже «классической» традиции применения технологий баз данных, позволяющие раскрыть широкий спектр вопросов, характеризующих смертность и другие демографические процессы.

Настоящая работа, написанная в рамках указанной традиции, направлена на изучение распределения медицинских причин смерти населения Барнаула во второй половине XIX — начале XX в. Используя сведения базы данных, созданной по материалам метрических книг, мы постарались оценить вклад различных причин в формирование ситуации со смертностью во взрослом населении (16–59 лет).

Степень изученности темы

На историографию темы во временных границах последних двух-трех десятилетий существенное влияние оказали фундаментальные по тематическому и территориальному (общероссийскому) охвату труды ведущих отечественных исследователей — А. Г. Вишневского и его коллег [Вишневский; Демографическая модернизация...], Б. Н. Миронова [Миронов, 1999; 2015] по исторической демографии и социальной истории России, затрагивающие с тех или иных сторон вопросы воспроизводства населения.

Существенных успехов в изучении вопросов смертности населения сегодня достигли научные коллективы, применяющие новые информационные технологии в исторических исследованиях и работающие с массовыми источниками на локальном уровне. В этом направлении активно работают исследователи Екатеринбурга [Главацкая, Боровик, Бахарев и др.; Заболотных, Главацкая; Бахарев; Бобицкий], Москвы [Blum, Troitskaya; Авдеев, Блюм, Троицкая; Хабарова], Санкт-Петербурга [библиографический перечень см.: Кащенко, Маркова, с. 5–7, 55–58], Тамбова [Канищев; Кончаков; и др.], Барнаула [Сарафанов, 2007; Сарафанов, Спесивцева; Сарафанов, Колдаков] и др. Работая в русле современной мировой демографической науки, ученые уделили большое внимание количественным методам обработки первоисточников, применению современных методов демографического анализа. Это позволило проанализировать широкий перечень вопросов: динамику смертности, сезонность, половозрастной состав умерших, причины смерти и пр.

В рамках публикаций общесибирского охвата можно выделить работы А. Р. Ивонина, В. А. Скубневского, Ю. М. Гончарова, В. В. Зверева; и др. [Ивонин;

Скубневский, Гончаров; Зверев, 2011; 2014; и др.]. Отметим, что в исследованиях на основе широкого круга статистических источников рассматривается специфика социально-демографических процессов в населенных пунктах Западной Сибири, также находят отражение вопросы смертности. Анализ демографических показателей населения (в том числе смертности) нацелен на характеристику основных тенденций по Сибирскому региону в целом. Тем не менее, в указанных работах отражены и отдельные аспекты рассматриваемой нами тематики по Барнаулу.

Источниковая база, критерии точности данных метрических книг Покровского прихода

В качестве источников выступают материалы метрических книг. Формуляры документов, установленные Указом Святейшего Синода от 20 февраля 1724 г., предполагали занесение в третью часть («О умерших») информации о причине смерти человека («какою болезнию») [ПСЗРИ, собр. 2, т. 7, № 4480]. В метрических книгах Барнаула духовенство отдельных церквей начинает указывать причину смерти начиная со второй половины 1780-х гг. [Сарафанов, 2016].

В ходе работы мы опирались на материалы базы данных «Население Барнаула второй половины XVIII — начала XX вв. по материалам метрических книг» [Свидетельство о государственной регистрации...]. Временной отрезок охватывает период в 43 года. При этом использовались сведения за 30 лет. В выборку вошла 8891 запись об умершем Покровского прихода города за 1869–1911 г., из которых 4388 (49,3 %) — это записи об умерших «до 1 года»; 2121 (23,9 %) — в возрасте «1–15 лет»; 1399 (15,7 %) — в возрасте «16–59 лет»; 915 (10,3 %) — в возрасте «60–...» лет; 68 (0,7 %) записей не содержат указание возраста.

Дореволюционные и современные авторы неоднократно указывали на неполноту регистрации в метрических книгах младенческой и детской смертности. К тому же подобные записи не имеют широкого диапазона диагнозов (часть заболеваний сложно поддаются идентификации). Регистрация причин смерти для возраста «60–...» лет имеет схожие проблемы. Учитывая специфику смертности в разных возрастных группах, мы сузили выборку данных, сосредоточившись на изучении причин смертности взрослого населения (16–59 лет), записи о которых составили 15,7 %. Это повышает достоверность выводов: для рассматриваемой возрастной группы характерна регистрация достаточно представительного числа причин смерти от инфекционных заболеваний с точным диагнозом (чахотка, тиф и пр.), внешних причин смерти (удушье, замерз и пр.), хорошо известных населению неинфекционных заболеваний. Сведения о причинах смерти других возрастных групп использовались в качестве дополнений.

Выбор временных границ настоящего исследования связан с утвердившейся в историографии точкой зрения о том, что со второй половины XIX в. метрический учет становится более точным и достоверным.

Точность фиксации информации в источнике (в том числе диагностика причины смерти) во многом зависела от личности приходского священника (от уровня образования, опыта). Согласно дореволюционному законодательству, прихожане «...об умерших в семействах их немедленно должны извещать приходских своих священников» [СЗРИ, т. 9, ст. 1564]. От духовенства требовали «...при записи умерших подробно расспрашивать родственников, чем хворал покойник, какие симптомы болезни замечались у больного, а не ограничиваться голословными показаниями в роде того, например, “от старости”, когда покойнику не было и 60 лет...» [ГААК, ф. 131, оп. 1, д. 50, л. 36].

Отметим, что практически все священники Покровской церкви получили качественное образование. Из десятирех священников, работавших во второй половине XIX — начале XX в., один окончил Московскую духовную академию (ст. кандидата); четверо окончили духовные семинарии с аттестатом 1 разряда; трое — духовные семинарии с аттестатом 2 разряда; один окончил духовную семинарию со свидетельством 4 класса; один — высшее отделение духовного училища. Важно, что в духовных семинариях в последней трети XIX в. начинают вводиться основы медицины. Так, указом Святейшего Синода от 20 февраля 1888 г. Тобольской семинарии было разрешено открыть «...уроки по начальной народной медицине в V и VI классах, с назначением для сего двух уроков в неделю (по уроку в классе) в свободные от учебных занятий часы» [Открытие медицинских уроков..., с. 132]. Примерно половина священников Покровской церкви получила образование уже после подобных нововведений. Отметим также, что время нахождения каждого священника на должности в Покровской церкви не было краткосрочным — составляло в среднем 7 лет. Духовное лицо за этот период имело возможность познакомиться с прихожанами, приобрести опыт, квалификацию.

Во Врачебном уставе середины XIX в. отмечалось, что без судебно-медицинского осмотра нельзя было предавать земле тела умерших от последствий воздействия внешних причин: «...а) тела умерших вскоре после наружного механического насилия, от ушиба, от раны, от падения с значительной высоты и т. п.; б) тела умерших скоропостижно с необыкновенными припадками, подающими повод к подозрению в отраве...» [СЗРИ, т. 13, ст. 918]. В этом случае причина смерти могла быть зафиксирована в источнике на основе документов медработников или полиции. Например, в заявлении полицейского надзирателя 1-го участка Барнаула 1896 г. было указано: «Прошу причт придать тело скоропостижно умершего барнаульского мещанина Агафона Алексеевича Алексеева 26 лет земле по христианскому обычаю и уведомить, что смерть его произошла, как выяснено дознанием, от простуды» [ГААК, ф. 144, оп. 5, д. 691, л. 185]. Из всей совокупности данных (8891 запись) были освидетельствованы квалифицированными специалистами (полицейским надзирателем, судебным следователем, врачом) 1,5 % умерших. По материалам православных метрических книг Екатеринбурга этот показатель был выше — составлял 8 % [Бахарев, с. 64].

Отметим, что в анализируемой выборке для взрослого населения (16–59 лет) удельный вес смертей от воздействия внешних причин составил 7,3 %. При этом 5,8 % записей этой возрастной группы имели визы работников медицины, полиции или юстиции. Последнее повышает общую достоверность выводов.

Б. Н. Миронов отмечает, что проверка точности метрических ведомостей возможна на основании анализа достоверности той картины, которую дает метрический учет. Часть критериев связана с анализом длинных временных рядов данных, характеризующих уровень рождаемости, брачности и смертности за вторую половину XVIII – XIX в. В частности, автор предлагает обратить внимание на показатели смертности. Исследователь отмечает, что в России «смертность обнаружила тенденцию к снижению лишь в последней трети XIX в. ... и, следовательно, в XVIII – первой половине XIX в. не могла быть ниже, чем в 1860-е гг., то есть 40,9 ‰» [Миронов, 2015, с. 532]. В Барнауле общий коэффициент смертности в 1830–1850-е гг. не показывал ярко выраженной тенденции, его среднее значение составило 45,9 ‰ (административный учет) и 48,6 ‰ (церковный учет). Рассчитанные среднегодовые значения ОКС в рамках десятилетий за вторую половину XIX – начало XX в. говорят о том, что с 1890-х гг. смертность в городе начинает снижаться. Это может косвенным образом указывать на относительную точность метрического учета Барнаула.

Выбор прихода обусловлен несколькими обстоятельствами. Во-первых, имеет значение хорошая сохранность источников, во-вторых, учитывались размеры прихода — доля прихожан, обслуживаемых церковью на протяжении второй половины XIX — начала XX в., была значительной: 1864 г. — 28 %, 1882 г. — 35 %, 1902 г. — 37 %, 1909 г. — 40 % (показатели от численности православного населения города). Отметим, что Покровская церковь была освящена в 1863 г. и была четвертым по счету приходским православным храмом в городе. В-третьих, сравнение сословного состава населения прихода и города показывает, что различия существовали, хотя не были настолько кардинальными, чтобы говорить о специфическом, по сравнению с городом в целом, составе населения прихода. Каждое сословие, фиксируемое на уровне города, было представлено и на уровне прихода. Более того, средние значения удельного веса сословий, рассчитанные за изучаемый период времени, примерно равны (см. табл. 1).

Таблица 1

**Сословный состав населения Покровского прихода и города Барнаула
(средние показатели за 1865–1909 гг.), %**

Сословие	Покровский приход	Барнаул
Духовенство	0,3	0,6
Горные чиновники*	0	1
Военные	12,3	8,7
Статские	4,5	4,6

Окончание табл. 1

Сословие	Покровский приход	Барнаул
Разночинцы**	8	10,2
Купцы и мещане	64,7	64,5
Крестьяне	10,2	9,5
Раскольники	отдельно не выделены	0,6
Иногородние	0	0,3
Всего	100	100

* Выделялись в источниках до 1870-х гг.

** Категория населения была официально упразднена в 1841 г. Однако регистрировалась в церковных документах Барнаула до 1870-х гг.

Источник: рассчитано по материалам клировых ведомостей за 1865, 1873, 1886, 1890, 1896, 1902, 1904, 1909 гг.

Характеристика региона, состава и численности населения

В конце XIX — начале XX в. Барнаул был центром Алтайского (горного) округа. Предприятия и природные ресурсы региона находились в ведении Кабинета Его Императорского Величества, т. е. в собственности и распоряжении императорской фамилии. В округе существовала автономная от общегосударственных властей ведомственная система управления. С первой трети XIX в. Барнаул обладал двойным юридическим статусом — он был признан горным и окружным городом.

Значительная доля горожан была связана с промышленностью. В то же время на изучаемый период приходится кризис сереброплавильного производства, связанный с отменой обязательного труда на кабинетских предприятиях Алтая по реформе 1861 г. Барнаульский сереброплавильный завод был закрыт в 1893 г. В городе начинает активно развиваться торговля.

За вторую половину XIX — начало XX в. сословный состав населения существенно меняется. По данным церковных источников удельный вес духовенства, военных и разночинцев имел тенденцию к понижению (средние значения приведены в табл. 1). Процент статских (гражданских чинов) с 1880-х гг. стал снижаться. Существенную долю населения прихода составляли мещане и купцы (церковные источники учитывали их вместе), за рассматриваемый период их процент в составе населения Барнаула существенно возрос. Высокие темпы прироста наблюдались среди крестьянского населения. Отчасти это было связано с реализацией положения 1865 г. «О водворении в Алтайском округе государственных крестьян», согласно которому последние получили возможность селиться в регионе (до этого времени в Алтайский горный округ было запрещено самовольное переселение крестьян).

По данным «гражданской» статистики, в 1865 г. численность горожан составляла 12 268 чел., в 1895 г. — 23 064 чел., в 1911 г. — 52 075 чел. [Барнаул..., с. 73; Швецов, с. 31, 46–47; Турчанинов, с. 348]. Высокие темпы прироста

(в особенности для начала XX в.) обеспечивались во многом за счет притока мигрантов.

В конфессиональном отношении в изучаемый период времени основную массу жителей Барнаула составляли православные. Так, по данным городской переписи 1895 г. их доля насчитывала 96,7 %. Число лиц других вероисповеданий составляло чуть более 3 %, из них 2 % — старообрядцы [Швецов, с. 46]. Это было результатом политики Кабинета Е. И. В., направленной на запрещение массовой ссылки осужденных в округ (как известно, состав ссыльных был интернационален). Стоит также отметить, что лицам иудейского исповедания запрещалось проживать в Сибири вплоть до 1917 г.

Анализ причин смерти по материалам метрических книг

Во второй половине XIX — начале XX в. Барнаул характеризовался высокой смертностью населения. Среднее значение ОКС в пореформенный период составляло 45,8 ‰, на начало XX в. — 33,9 ‰ (административный учет). Источники фиксируют снижение показателей ОКС с 1890-х гг. В городах Западной Сибири с конца XIX в. прослеживается тенденция к уменьшению уровня смертности, которая становится более заметной в начале XX столетия [Скубневский, Гончаров, с. 145]. Можно отметить, что Барнаул вписывается в «демографическую картину» западносибирского города в обозначенном вопросе.

Из 8891 записи об умерших указание причины смерти присутствует в 8755 случаях (98 %), отсутствует — в 136 (2 %). В ходе работы нами был составлен список причин смерти, который насчитывает 115 наименований (без учета дубликатов). Значительное количество записей имело различные варианты написания.

Для подсчетов при построении выборок необходима корректная систематизация материалов. При проведении этой работы мы ориентировались на Международную классификацию болезней МКБ-10. Однако классификация как инструмент по анализу «исторических» причин смерти не совсем пригодна из-за неоднозначности трактовки значительного количества причин смерти. Она послужила ориентиром, на основе которого конструировалась «историческая» классификация, определяемая контентом.

Была проведена работа по распределению причин смертности в рамках нескольких классов (групп). Как видно из представленных материалов (рис. 1), основная масса случаев в структуре мужской летальности (16–59 лет) являлась следствием инфекционных и кишечных заболеваний (59,3 %). Смертность от туберкулеза, учитываемая в этой группе, составляла 34,5 % (от общего числа умерших мужчин).

Показатели по Екатеринбург (за конец XIX — начало XX в.) и Севастополю демонстрируют существенное преобладание туберкулеза среди инфекционных причин смерти у населения [Главацкая, Боровик, Бахарев и др., с. 89; Хабарова, с. 133]. Исследователи, работающие с данными по более раннему периоду (1770–1830-е гг.) по Санкт-Петербургской губернии, отмечают, что каждая

третья смерть жителей в трудоспособном возрасте приходилась на эту болезнь [Кашенко, Маркова, с. 137].

На записи «лихорадка / горячка», отнесенные нами к группе инфекционных и кишечных заболеваний, приходилось 15,3 %. Наличие таких «симптоматических» формулировок не всегда говорило об отсутствии опыта у клирика. От духовенства при записи умерших в метрическую книгу требовалось подробно расспрашивать родственников о том, чем болел покойник. В фонде Томской губернской врачебной управы [ГАТО, ф. 4] сохранились «Ведомости за ... месяц 188... года о больных, пользовавшихся в городе Барнауле городовым врачом» (на типографских бланках). Документы содержали указание болезней, первые три пункта имели наименования: «горячки катаральные, гастрические и ревматические», «перемежающаяся лихорадка», «тиф и тифоидальные горячки». Терминология, употреблявшаяся во врачебной практике того времени, вносила свои «коррективы».

Процент смертей от кишечных инфекций у мужчин (понос, холера, тиф) был достаточно высок (7,6 %). Удельный вес смертей от вирусных инфекций (оспа, корь) и бактериальных болезней (дифтерия, скарлатина) был незначителен — 1 % и 0,9 % соответственно.

Рис. 1. Структура причин смерти мужчин в возрасте 16–59 лет в Покровском приходе Барнаула во второй половине XIX — начале XX в. (по материалам базы данных), %

Внешние причины смерти у мужчин 16–59 лет «содержат» самый разнообразный перечень наименований, на них приходится 11,7 % записей. Наиболее

часто встречаемые причины смерти — «удушие», «утонул», «от злоупотребления спиртным», «от нанесенных ран». Отметим, что от несчастных случаев, отравлений и травм взрослые мужчины умирали в 4,1 раза чаще, чем женщины.

На болезни органов дыхания, включающие такие формулировки как «воспаление легких», «отек легких», «простуда», приходится 6,7 % записей. На болезни нервной системы приходится 2,3 % смертей. Здесь значительное число записей отведено дефиниции «от паралича».

0,7 % умерших мужчин Покровского прихода в возрасте 16–59 лет скончалось «от старости». При этом самый ранний возраст у мужчин, для которого начинает применяться эта формулировка — 55 лет.

Отметим, что значительное количество смертей происходило от болезней экзогенного характера, связанных с воздействием внешней среды. Так, врачебная управа отмечала, что «...непроходимая грязь, кучи навоза, валяющиеся местами дохлые кошки и собаки, разливающаяся по улицам вонючая жидкость, выкачанная из погребов и помойных ям, составляют непрременную принадлежность городов Томской губернии» [Памятная книжка..., с. 49]. Можно предположить, что небольшие всплески эпидемий были характерным явлением как для Барнаула, так и для всех сибирских городов изучаемого периода. Например, в 1882 г. «...в Барнауле появлялись все эпидемические болезни, сменяя одна другую» [Там же].

Наиболее высокий процент среди болезней эндогенного характера у мужчин составляют болезни системы кровообращения — 5,4 %, болезни органов пищеварения — 3,6 %, пороки развития — 2,4 %, новообразования — 1,1 %.

Рис. 2. Структура причин смерти женщин в возрасте 16–59 лет в Покровском приходе Барнаула во второй половине XIX — начале XX в. (по материалам базы данных), %

Из представленных материалов (рис. 2) видно, что соотношение причин смерти для женщин в возрасте 16–59 лет по классам выглядит схожим с соответствующими показателями для мужчин. Основная масса смертей происходила от инфекционных заболеваний и кишечных болезней (53,4 %). В рамках последних наибольшее число смертей зафиксировано от туберкулеза (25,5 %). На записи «лихорадка» и «горячка» приходилось 16,2 %. Отмечается больший процент смертей от кишечных инфекций у женщин (10,9 %), чем соответствующий показатель у мужчин (7,6 %). В то же время удельный вес умерших от туберкулеза женщин зафиксирован меньшим (25,5 %), чем у мужчин (34,5 %). Незначительное число смертей происходило от вирусных инфекций (0,4 %) и бактериальных болезней (0,4 %).

На болезни органов дыхания приходится 10,2 % смертей у женщин. От болезней этого класса (главным образом, от «воспаления легких» и «простуды») они умирали в 1,5 раза чаще, чем мужчины.

В структуре женской летальности большое значение имели смерти, наступавшие в ходе осложнений беременности, родов и послеродового периода. Удельный вес женщин репродуктивного возраста, умерших от этой причины, составлял 7,5 % (с формулировкой «от родов»). По уездам Санкт-Петербургской губернии этот показатель в первой половине XIX в. колебался в пределах 10–11 % [Кашенко, Маркова, с. 140].

Стоит отметить, что 2,6 % смертей у женщин сформировано за счет записей «от старости» (при 0,7 % у мужчин). Самый ранний возраст смерти женщин «от старости» — 46 лет — был зафиксирован только в одном случае. В большей степени эта формулировка начинает применяться для более старшего возраста. На болезни нервной системы приходится 2 % смертей от общего числа умерших женщин. Наиболее часто встречаемые внешние причины смерти у женщин в обозначенном возрасте — «удушие». Только 19,6 % умерших от внешних причин составляли женщины, соответственно, 80,4 % — мужчины.

Наиболее высокий процент среди болезней эндогенного характера у женщин составляют болезни системы кровообращения — 5,4 %, болезни органов пищеварения — 4,4 %, пороки развития — 3,9 %, новообразования — 2,4 %.

В ряде случаев причина смерти указывалась неточно, например: «от худосочия», «скоропостижно», «от боли в ноге». Все подобные случаи были выделены в отдельную группу.

Нами был построен график, описывающий распределение умерших по причине смерти в рамках инфекционных заболеваний и кишечных болезней по четырем возрастным группам: «до 1 года», «1–15» лет, «16–59» лет, «60–...» лет (рис. 3).

Ориентируясь на высоту столбцов, можно отметить, что наибольшее количество смертей в целом по группе инфекционных заболеваний приходится на первые две возрастные группы (максимальные значения приходятся на возраст «1–15» лет). Меньший процентный показатель доли смертей, но тоже высокий, в третьей возрастной группе «16–59» лет.

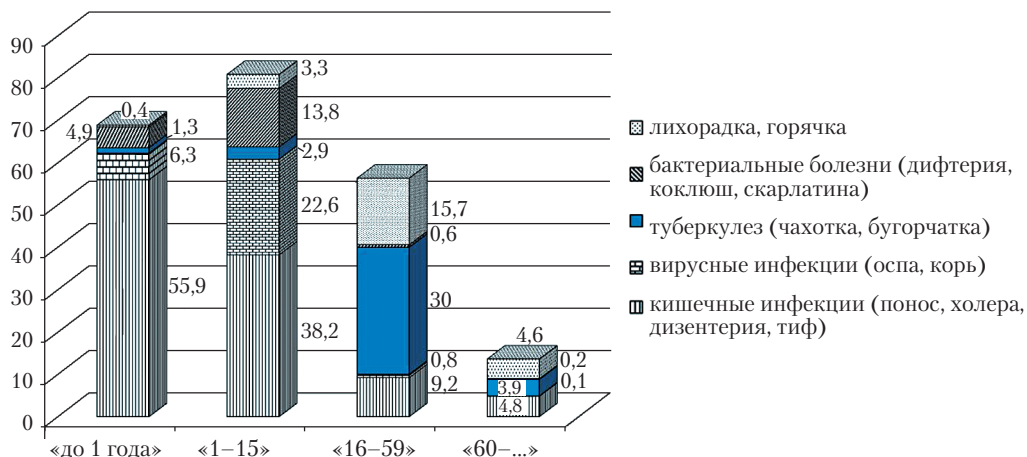

Рис. 3. Распределение причин смерти (среди умерших от инфекционных заболеваний и кишечных болезней) по возрастам, %

Удельный вес смертей от кишечных инфекций (понос, холера, дизентерия, тиф) особенно высок в первой (55,9 %) и второй (38,2 %) возрастных группах. В зрелом возрасте от этих болезней умирали существенно реже. Пик вирусных инфекций (оспа, корь) приходится на возраст «1–15» лет и составляет 22,6 %. В структуре младенческой смертности (до 1 года) показатель составил 6,3 %. В остальных возрастных группах он меньше 1 %. Смертность от туберкулеза (30 %) затрагивает в первую очередь людей в возрасте «16–59» лет.

Можно прийти к выводу, что на первом году жизни основной среди причин смерти выступают кишечные инфекции. В возрасте «1–15» лет, при высокой доле смертей от кишечных болезней, актуализируются вирусные инфекции (оспа, корь) и бактериальные болезни (дифтерия, коклюш, скарлатина). В зрелом возрасте на первый план выходят туберкулез и смертность от «лихорадки / горячки», сохраняется достаточно высокая доля умерших от кишечных инфекций. Эти же причины сохраняются и в возрастной группе «60–...», однако в меньших значениях.

На изменение структуры причин смерти с течением времени влияли такие причины, как изменения в системе здравоохранения (рост количества медицинского персонала, налаживание деятельности врачебной управы), улучшение санитарии города (хотя водоснабжение и удаление нечистот осуществлялось на протяжении XIX в. традиционным способом), перемены в образе жизни.

Подводя итог, отметим, что порядка 60 % случаев в структуре мужской летальности (16–59 лет) являлись последствием инфекционных и кишечных заболеваний. Смерти от туберкулеза, учитываемые в этой группе, составляли 35 %. У женщин, за счет меньшего количества смертельных исходов от туберкулеза (25,5 %), показатели по инфекционным болезням ниже. Процент смертей

от кишечных инфекций был достаточно высок: у женщин он составлял 10,9 %, у мужчин — 7,6 %. Удельный вес смертей от вирусных инфекций (оспа, корь) и бактериальных болезней (дифтерия, скарлатина) незначителен вне зависимости от гендерной принадлежности. Внешние причины смерти «забирали» взрослых мужчин (11,7 %) в 4 раза чаще, чем женщин (2,9 %). Показатели летальности от болезней органов дыхания у женщин составляли 10,2 %. От болезней этой группы они умирали в 1,5 раза чаще, чем мужчины (6,7 %). Значительное количество женщин репродуктивного возраста умирало в ходе осложнений беременности и родов (7,5 %). Большое количество смертей происходило от болезней экзогенного характера, связанных с воздействием внешней среды. Однако болезни эндогенного характера также имели значение (12,5 % случаев — у мужчин, 16,1 % — у женщин).

Применение технологий баз данных дало возможность включить в научный оборот латентную информацию метрических книг, оценить вклад различных причин в формирование ситуации со смертностью. В силу размытости формулировок источника еще предстоит работа по уточнению места отдельных причин смертности в классификационной схеме.

Источники

ГААК. Ф. 131. Оп. 1. Д. 50. Л. 36; Ф. 144. Оп. 5. Д. 691. Л. 185.

ГАТО. Ф. 4.

Открытие медицинских уроков при Тобольской духовной семинарии // Тобольские епархиальные ведомости. 1888. № 5–6.

Памятная книжка Томской губернии на 1884 год. Томск : Типо-лит. Михайлова и Макушина, 1884.

ПСЗРИ — Полное собрание Законов Российской Империи. Собр. 1. С 1649 по 12 декабря 1825 года. СПб. : Тип. II Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830.

Свидетельство о государственной регистрации баз данных № 2013621505. Авторы: В. Н. Владимиров, Д. В. Колдаков, Д. Е. Сарафанов.

СЗРИ — Свод законов Российской империи. Т. IX. Законы о состояниях; Т. XIII. Устав врачебный. СПб. : Тип. Второго Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1857–1868.

Исследования

Авдеев А., Блюм А., Троицкая И. Сезонный фактор в демографии российского крестьянства в первой половине XIX века: брачность, рождаемость, младенческая смертность // Рос. демогр. журн. 2002. № 1. С. 35–45.

Барнаул. Летопись города / отв. ред. А. М. Родионов. Барнаул : Алтай, 1994.

Бахарев Д. С. Причины смерти в Екатеринбурге в конце XIX — начале XX вв.: опыт анализа данных метрических книг // Демографический потенциал стран ЕАЭС : сб. ст. VIII Уральского демографического форума / отв. ред. А. И. Кузьмин. Екатеринбург : Ин-т экономики УрО РАН, 2017. Т. 2. С. 63–67.

Бобицкий А. В. Смертность мусульман Екатеринбурга в конце XIX — начале XX вв.: опыт создания и использования БД на основе метрических книг // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер» № 47. М. : МАКС Пресс, 2018. С. 70–71.

Вишневский А. Г. Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР. М. : ОГИ, 1998.

Главацкая Е. М., Боровик Ю. В., Бахарев Д. С., Заболотных Е. А., Бобицкий А. В., Вишневская А. В. Смертность в старом Екатеринбурге: опыт создания БД по материалам метрических книг // Цифровая гуманитаристика: ресурсы, методы, исследования : в 2 ч. / отв. ред. С. И. Корниенко. Пермь : Изд-во Перм. гос. нац. исслед. ун-та, 2017. Ч. 2. С. 88–91.

Демографическая модернизация России, 1900–2000 / под ред. А. Г. Вишневского. М. : Новое изд-во, 2006.

Заболотных Е. А., Главацкая Е. М. Последний путь: метрические книги польского католического прихода г. Екатеринбурга в конце XIX — начале XX вв. (раздел о смертях) // Церковь. Богословие. История : материалы V Междунар. науч.-богослов. конф., посвящ. Собору новомучеников и исповедников Церкви Русской / отв. ред. П. И. Мангилёв, И. В. Починская, И. А. Никулин, С. Ю. Акишин. Екатеринбург : Екатеринбург. духовная семинария, 2017. С. 345–352.

Зверев В. А. «Ну, считается своими»: демографические и миграционные процессы в Азиатской России XIX — начала XX в. // Проблемы исторической демографии Сибири / отв. ред. В. А. Исупов. Новосибирск : Ин-т ист. СО РАН : Параллель, 2011. Вып. 2. С. 42–68.

Зверев В. А. Люди детные: воспроизводство населения сибирской деревни в конце имперского периода. Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2014.

Ивонин А. Р. Западносибирский город в последней четверти XVIII — 60-х гг. XIX в. (Опыт историко-демографического исследования). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2000.

Канищев В. В. Демографический переход в российском аграрном обществе второй половины XIX — первой трети XX в.: современные методы исследования // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2016. № 1. С. 210–223.

Кащенко С. Г., Маркова М. А. Население уездов столичной губернии в XVIII — первой половине XIX века : историко-демографические очерки. Брянск : Курсив, 2013.

Кончаков Р. Б. Демографическое поведение крестьянства Тамбовской губернии в XIX — начале XX в., новые методы исследования : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2001.

Миронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну. СПб. : Дмитрий Буланин, 2015. Т. 1.

Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начала XX в.) : в 2 т. СПб. : Дмитрий Буланин, 1999. Т. 1.

Сарафанов Д. Е. Смертность населения в Барнауле в XIX в. // Миграции и постмиграционные сообщества (Алтай — Казахстан, XIX–XX вв.) / [отв. ред.: В. Н. Владимиров, И. Г. Силина]. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007. С. 182–212.

Сарафанов Д. Е. Особенности ведения метрических книг в городских приходах Сибири (на примере Барнаула второй половины XVIII — начала XX вв.) // Демографическая история России и регионов : сб. науч. тр. Вып. I : проблемы источников. Новосибирск : Апельсин, 2016. С. 21–38.

Сарафанов Д. Е., Колдаков Д. В. Вопросы смертности населения Барнаула во второй половине XIX — начале XX вв. // Актуальные вопросы истории Сибири: научные чтения памяти проф. А. П. Бородавкина : сб. науч. ст. Барнаул : Пять Плюс, 2017. С. 163–168.

Сарафанов Д. Е., Спасивцева М. Г. Некоторые аспекты изучения смертности населения Барнаула во второй половине XIX в. (по материалам базы данных «Население Барнаула») // Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях : сб. науч. тр. / отв. ред. А. Н. Алексеев. Усть-Каменогорск : Либриус, 2009. С. 328–336.

Скубневский В. А., Гончаров Ю. М. Города Западной Сибири во второй половине XIX — начале XX в. Ч. I : Население. Экономика. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2003.

Турчанинов Н. В. Города Азиатской России // Азиатская Россия. Т. 1 : Люди и порядки за Уралом. СПб. : Изд. Переселенческого упр. Гл. упр. землеустройства и земледелия, 1914. С. 285–360.

Хабарова О. В. Анализ основных аспектов смертности населения г. Севастополя в XIX в. при помощи базы данных (по материалам метрических книг) // Круг идей: междисциплинарные подходы в исторической информатике / ред. Л. И. Бородин, И. М. Гарскова. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2008. С. 115–133.

Швецов С. П. Город Барнаул по переписи 26 марта 1895 года. Вып. 1 : Население. Барнаул : Изд. О-ва любителей исследования Алтая, 1898.

Blum A., Troitskaya I. Mortality in Russia during the eighteenth and nineteenth centuries: Local assessments based on the Revizii // *Population: An English Selection*. 1997. Vol. 9. P. 123–146.

References

Avdeev, A., Blum, A., & Troitskaya, I. (2002). Sezonnyj faktor v demografii rossiiskogo krest'ianstva v pervoi polovine XIX veka: brachnost', rozhdaemost', mladencheskaja smertnost' [The Seasonal Factor of Russian Peasants' Demography in the First Half of the 19th Century: Marriages, Births, Infant Deaths]. *Rossiiskij demograficheskij zhurnal*, 1, 35–45. (In Russian)

Bakharev, D. S. (2017). Prichiny smerti v Ekaterinburge v kontse XIX — nachale XX vv.: opyt analiza dannykh metriceskikh knig [The Causes of Death in Yekaterinburg in the Late 19th — Early 20th Centuries: An Attempt at an Analysis of Metric Books Data]. In A. I. Kuzmin (Ed.), *Demograficheskii potentsial stran EAES. Sbornik statei VIII Ural'skogo demograficheskogo foruma* [Demographic Potential of the EAEC Countries. Collection of Articles of the VIII Ural Demographic Forum] (Vol. 2, pp. 63–67). Yekaterinburg: Institute for Economics of UrB RAS. (In Russian)

Blum, A., & Troitskaya, I. (1997). Mortality in Russia during the Eighteenth and Nineteenth Centuries: Local Assessments Based on the Revizii. *Population: An English Selection*, 9, 123–146.

Bobitsky, A. V. (2018). Smertnost' musul'man Ekaterinburga v kontse XIX — nachale XX vv.: opyt sozdaniya i ispol'zovaniya BD na osnove metriceskikh knig [Mortality of Muslims of Yekaterinburg in the Late 19th — Early 20th Centuries: An Attempt at Creating and Using a Database Based on Metric Books]. *Informatsionnyj bjulleten' Assotsiatsii "Istorija i komp'yuter"*, 47, 70–71. (In Russian)

Glavatskaya, E. M., Borovik, Iu. V., Bakharev, D. S., Zabolotnykh, E. A., Bobitsky, A. V., & Vishnevskaya, A. V. (2017). Smertnost' v starom Ekaterinburge: opyt sozdaniya BD po materialam metriceskikh knig [Mortality in Old Yekaterinburg: An Attempt at Creating a Database on the Materials of Metric Books]. In S. I. Kornienko (Ed.), *Tsifrovaja gumanitaristika: resursy, metody, issledovaniya* [Digital Humanities: Resources, Methods, Research] (Pts. 1–2). (Vol. 2, pp. 88–91). Perm: Perm State National Research University Press. (In Russian)

Ivonin, A. R. (2000). *Zapadnosibirskij gorod v poslednej chetverti XVIII — 60-kh gg. XIX v. (Opyt istoriko-demograficheskogo issledovaniya)* [The West Siberian City in the Last Quarter of the 18th Century — 1860s (An Attempt at Historical and Demographic Research)]. Barnaul: Altai University Press. (In Russian)

Kanishchev, V. V. (2016). Demograficheskii perekhod v rossiiskom agrarnom obshchestve vtoroi poloviny XIX — pervoi treti XX v.: sovremennye metody issledovaniya [Demographic Transition in the Russian Agrarian Society of the Second Half of the 19th — First Third of the 20th Centuries: Modern Research Methods]. *Ezhegodnik po agrarnoi istorii Vostochnoi Evropy*, 1, 210–223. (In Russian)

Kashchenko, S. G., & Markova, M. A. (2013). *Naselenie uездov stolichnoj gubernii v XVIII — pervoi polovine XIX veka: istoriko-demograficheskie ocherki* [Uyezd Population of the Capital Province in the 18th — First Half of the 19th Centuries. Historical and Demographic Sketches]. Bryansk: Kursiv. (In Russian)

Khabarova, O. V. (2008). Analiz osnovnykh aspektov smertnosti naseleniya g. Sevastopolja v XIX v. pri pomoshchi bazy dannykh (po materialam metriceskikh knig) [Analysis of the Main Aspects of Mortality of the Population of Sevastopol in the 19th Century Using a Database (Based on Metric Books)]. In L. I. Borodkin, & I. M. Garskova (Eds.), *Krug idej: mezhdistsiplinarnye podkhody v istoricheskoi informatike* [The Circle of Ideas: Interdisciplinary Approaches in Historical Informatics] (pp. 115–133). Moscow: Moscow University Press. (In Russian)

Konchakov, R. B. (2001). *Demograficheskoe povedenie krest'ianstva Tambovskoj gubernii v XIX — nachale XX v., novye metody issledovaniya* [Demographic Behaviour of Tambov Governorate Peasants in the 19th — Early 20th Centuries] (doctoral dissertation abstract). Tambov. (In Russian)

Mironov, B. N. (1999). *Sotsial'naja istorija Rossii perioda imperii (XVIII – nachala XX v.)*. [The Social History of Russia in the Empire Period (18th – Early 20th Centuries)] (Vol. 1). St Petersburg: Dmitrii Bulanin. (In Russian)

Mironov, B. N. (2015). *Rossiiskaja imperija: ot traditsii k modernu* [The Russian Empire: From Tradition to Modernity] (Vol. 1). St Petersburg: Dmitrii Bulanin. (In Russian)

Rodionov, A. M. (Ed.). (1994). *Barnaul. Letopis' goroda* [Barnaul. Chronicle of the City]. Barnaul: Altai. (In Russian)

Sarafanov, D. E. (2007). Smertnost' naselenija v Barnaule v XIX v. [Death Rate in Barnaul in the 19th Century]. In V. N. Vladimirov, & I. G. Silina (Eds.), *Migratsii i postmigratsionnye soobshchestva (Altaj – Kazakhstan, XIX–XX vv.)* [Migrations and Post-Migration Communities (Altai – Kazakhstan, 19th–20th Centuries)] (pp. 182–212). Barnaul: Altai University Press. (In Russian)

Sarafanov, D. E. (2016). Osobennosti vedenija metriceskikh knig v gorodskikh prikhodakh Sibiri (na primere Barnaula vtoroi poloviny XIX – nachala XX vv.) [Features of Keeping Metric Books in the City Parishes of Siberia (with Reference to Barnaul in the Second Half of the 18th – Early 20th Centuries)]. In V. A. Isupov (Ed.), *Demograficheskaja istorija Rossii i regionov: sbornik nauchnykh trudov. Vyp. I: Problemy istochnikov* [Demographic History of Russia and its Regions. A Collection of Scholarly Papers. Issue I: Source Problems] (Vol. 1, pp. 21–38). Novosibirsk: Apelsin. (In Russian)

Sarafanov, D. E., & Koldakov, D. V. (2017). Voprosy smertnosti naselenija Barnaula vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv. [The Mortality of the Population of Barnaul in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries]. In V. A. Skubnevsky, & E. V. Demchik (Eds.), *Aktualnye voprosy istorii Sibiri: nauchnye chtenija pamjati prof. A. P. Borodavkina: sbornik nauchnykh statej* [Relevant Issues of Siberian History. Scholarly Readings of the Memory of Prof. A. P. Borodavkin: A Collection of Scholarly Articles] (pp. 163–168). Barnaul: Piat' Plius. (In Russian)

Sarafanov, D. E., & Spesivtseva, M. G. (2009). Nekotorye aspekty izuchenija smertnosti naselenija Barnaula vo vtoroi polovine XIX v. (po materialam bazy dannyx "Naselenie Barnaula") [Some Aspects of Studying the Mortality of the Population of Barnaul in the Second Half of the 19th Century (Based on the Data of the Database "Population of Barnaul")]. In A. N. Alekseenko (Ed.), *Étnodemograficheskie protsessy v Kazakhstane i sopredel'nykh territorijakh: sbornik nauchnykh trudov* [Ethno-demographic Processes in Kazakhstan and Adjacent Territories: A Collection of Scholarly Papers] (pp. 328–336). Ust-Kamenogorsk: Librius. (In Russian)

Shvetsov, S. P. (1898). *Gorod Barnaul po perepisi 26 marta 1895 goda* [The City of Barnaul according to the Census Taken on March 26, 1895] (Vol. 1). Barnaul: Izdanie Obshhestva lyubitelej issledovanija Altaja. (In Russian)

Skubnevsky, V. A., & Goncharov, Ju. M. (2003). *Goroda Zapadnoj Sibiri vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v. Ch. I: Naselenie. Ekonomika* [Western Siberian Cities in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries. Pt. I: Population. Economy]. Barnaul: Altai University Press. (In Russian)

Turchaninov, N. V. (1914). *Goroda Aziatskoj Rossii* [Cities of Asian Russia]. In G. V. Glinka (Ed.), *Aziatskaja Rossiya. T. 1: Lyudi i poryadki za Uralom* [Asian Russia. Vol. 1: People and Customs beyond the Urals] (pp. 285–360). St Petersburg: Izd. Pereselencheskogo upr. Gl. upr. zemleustrojstva i zemledeliya. (In Russian)

Vishnevsky, A. G. (1998). *Serp i rubl': konservativnaja modernizatsija v SSSR* [The Sickle and the Rouble: Conservative Modernisation in the USSR]. Moscow: OGI. (In Russian)

Vishnevsky, A. G. (Ed.). (2006). *Demograficheskaja modernizatsija Rossii, 1900–2000* [Demographic Modernisation in Russia, 1900–2000]. Moscow: Novoe izdatel'stvo. (In Russian)

Zabolotnykh, E. A., & Glavatskaya, E. M. (2017). Posledniĭ put': metricheskie knigi pol'skogo katolicheskogo prikhoda g. Ekaterinburga v kontse XIX – nachale XX vv. (razdel o smertjakh) [The Last Farewell: Parish Books of the Polish Catholic Parish of Yekaterinburg in the Late 19th – Early 20th Centuries (Section about Deaths)]. In P. I. Mangilev, I. V. Pochinskaja, I. A. Nikulin, & S. Iu. Akishin (Eds.), *Tserkov'. Bogoslovie. Istorija. Materialy V Mezhdunarodnoi nauchno-bogoslovskoj konferentsii, posvjashchennoi Soboru novomuchenikov i ispovednikov Tserkvi Rusскоj* [Church. Theology. History. Materials of the V International Scholarly and Theological Conference, Dedicated

to the Council of New Martyrs and Confessors of the Russian Church] (pp. 345–352). Yekaterinburg: Ekaterinburgskaja dukhovnaja seminarija. (In Russian)

Zverev, V. A. (2011). “Nu, poschitaemysya svoimi”: demograficheskie i migratsionnye protsessy v Aziatskoj Rossii XIX — nachala XX v. [“Well, Let’s Count Our Own” : Demographic and Migration Processes in Asian Russia in the 19th — Early 20th Centuries)]. In V. A. Isupov (Ed.), *Problemy istoricheskoi demografii Sibiri* [Issues of the Historical Demography of Siberia] (Vol. 2, pp. 42–68). Novosibirsk: Institute for History SB RAS; Parallel. (In Russian)

Zverev, V. A. (2014). *Lyudi detnye: vosproizvodstvo naseleniya sibirskoj derevni v kontse imperskogo perioda* [People with Many Children: The Reproduction of the Population of the Siberian Village at the End of the Imperial Period]. Novosibirsk: NGPU Press. (In Russian)

Сарафанов Дмитрий Евгеньевич

кандидат исторических наук, доцент
кафедры документоведения, архивоведения
и исторической информатики
Алтайский государственный университет
656049, Барнаул, пр. Ленина 61
E-mail: d_sarafanov@mail.ru

Sarafanov, Dmitry Evgenievich

PhD (History), Associate Professor
Department of Document Science, Archival
Science, and Historical Informatics
Altai State University
61, Lenin Ave., 656049 Barnaul, Russia
Email: d_sarafanov@mail.ru